

ПЁТР МАЛЬЦЕВ

ГЕРОЙ

Часто бывает так в нашей жизни, что человек, словно слепой дождь, проходит мимо нас, и мы его не замечаем, но после такого тёплого, солнечного дождя почему-то всегда высоко в небе появляется красивая, многоцветная радуга. . .

Совсем недавно я прочитал, что в городе Орле инициативная группа, в которую вошли активные горожане, журналисты, художники, обратилась к местным властям с предложением о создании в городе к 70-летию Великой Победы сквера артиллеристов.

В школе на уроках внеклассного чтения учитель рассказывал нам о беспримерном подвиге отважного артиллериста, старшего сержанта Николая Сиротинина, вступившего в бой с целой танковой армией гитлеровцев. После того ожесточённого сражения немцы недосчитались одиннадцати танков, семи бронемашин и более полусотни солдат и офицеров.

Враг был ошеломлён дерзкой храбростью щупленького малорослого паренька, который один в неравном бою стоял насмерть, без устали поражая метким огнём ползущие на него немецкие танки, пока не погиб.

Такое на войне нечасто бывает, но, воздавая должное мужеству героя, прах его немцы предали земле с воинскими почестями, с троекратным залпом из винтовок, а опытный офицер могущественного рейха, с трудом заставивший замолчать пушку, бьющую по танкам метким огнём, стоя над могилой, сказал: “Если бы солдаты фюрера дрались, как этот русский богатырь, то немцы давно бы уже завоевали весь мир”.

На белорусской земле на месте того ратного подвига установлен скромный памятник с потускневшей от солнца надписью: “Здесь на рассвете 17 июля 1941 года вступил в единоборство с колонной фашистских танков и в двухчасовом бою отбил все атаки врага старший сержант-артиллерист Николай Владимирович Сиротинин, отдавший жизнь за свободу и независимость нашей Родины”. Рядом, в городе Кричев Могилёвской области, есть и улица имени Сиротинина. За свой подвиг солдат был награждён орденом Отечественной войны I степени посмертно.

А вот о храбрости и мужестве своего земляка, гвардии капитана артиллерии Белянинова Ивана Никитовича, награждённого орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и Красного Знамени и довольно редким орденом Александра Невского, я узнал совсем недавно, прочитав в районной газете “Призыв” замечательную статью “Командир противотанковой батареи”. Но мы не отыщем в местах боевых действий нашего земляка ни высеченных из гранита скульптур, ни скромных памятников, не увидим улиц с именем знаменитого артиллериста Белянинова — отважного сына земли русской.

Для меня эта статья, к стыду моему, стала откровением. Я более полувека жил рядом с героем и не ведал о его боевых наградах! Но прошедшего, как ни грустно, не вернуть.

Приступая к рассказу о жизни Ивана Никитовича, я хотел поведать читателю не столько об отважном воине, сколько о мудром, надёжном человеке, имевшем любвеобильное, отзывчивое сердце. Он, защищая Отечество, превозмогал себя и находил силы управлять своей железной волей, а в послевоенной жизни никогда не важничал и не хвалился боевыми наградами.

* * *

Вытянутая под самую горою вдоль правого берега реки Готни полоска земли ничем, собственно, никогда никого и не привлекала, кроме как взбалмошных по весне голосистых лягушек, заходящихся в брачном гвалте истощенным кваканьем. Но досталась она потеснённому с Украины народу, пожелавшему служить московскому царю Алексею Михайловичу, охраняя окраины его государства. Пришлые люди обжили это место, создав здесь поселение, которое существует и поныне.

После революции в селе не один раз порывались создать коллективное хозяйство, силой у зажиточных крестьян забирали живность, к полудню сгоняя на скотный двор, но к утру неуступчивый народ с завидным постоянством разводил коней, коров и овец по домашним стойлам. Колхоз в Красном Кутке так и не состоялся, но вот многие семьи тогда раскулачили и отправили на поселение в отдалённые места под Архангельск и в Сибирь.

В октябре 1941 года сюда пришли немцы. Их воинские части располагались на территории нынешнего заповедника “Лес на Ворскле”, а в здании школы был размещён немецкий госпиталь. В августе 1943 года село было освобождено, но до сих пор в местах пребывания вражеского стана ещё можно отыскать в земле покрытые ржавчиной осколки и гильзы от снарядов.

Здесь, в селе Красный Куток, на хуторе Ваковщина, в 1920 году и родился Иван Никитович Белянинов.

Иван Никитович имел исконно русскую фамилию, которая в XVII веке по частоте распространения входила в первую сотню семейственных имен на Руси. Фамилия не только “высвечивала” белый цвет лица её обладателя, но и подчёркивала благородные качества его души: милый, дорогой, хороший, чистый, незапятнанный. Такой человек и получал прозвище “Белянин”. Недаром народная мудрость говорит: “Рубаха черна, да совесть бела”. Иван Никитович и был таким человеком – благородным, великодушным, который жертвовал своими интересами ради других, пытаясь ободрить и поддержать родных и близких, потерявших под собой в житейских бурях устойчивую опору.

* * *

Поселение Ваковщина, где родился и жил российский герой Белянинов Иван Никитович, расположилось сразу за живописно рассеянным на холмах правого берега реки Готни хутором Федосейкино. Я, передвигаясь на велосипеде по вымытому весенним дождём асфальту, обращал внимание, что довольно часто у самой горы, в глубине поднявшихся широколиственных деревьев и мелкого, опоясывающего их кустарника, стояли опустевшие дома с перекошенными дворовыми воротами. А прямо от реки к дороге во весь рост подступали наводящие тоску густые заросли серебристо-серой ольхи, окрещённой учёными людьми деревьям экономических потрясений: ольха с исчезновением сельских мужиков стала полноправной хозяйкой на когда-то укосном пойменном лугу.

Но вот неожиданно справа от меня, на взгорке, с какой-то солнечной весёлостью вынырнул скромный дом на три окна по фасаду. И от одного взгляда в сторону дорожки, вьющейся вверх, к входным воротам, всё вокруг просветлело, пустилось в пляс. А мне словно почудилось, что ещё немножко – и открывшееся кирпичное строение плавно поплывёт над землёй. Прямо на глазах мир наполнялся тихой радостью, а душа пела. “Живя в таком доме, – подумал я, – невозможно быть злым и подлым. Дом, как и человек, имеет свою, ни на кого не похожую, судьбу”.

Слегка притормозив своего двухколёсного друга, я поближе подрулил к стоявшему у ворот хозяину. Выяснилось, что это и есть та самая желанная

усадыба, куда я держал свой путь, а передо мной стоял Николай Иванович – сын гвардии капитана Белянинова. Он провёл меня на кухню, усадил за стол, а сам отправился на поиски своей хозяйки.

Мне в этот раз несказанно повезло. Бывает же такое в жизни, когда какая-то невидимая сила тебя ведёт и посылает на помощь нужного человека, без которого ты просто не можешь осилить всё, тобой задуманное. Я хорошо запомнил слова Александра Михайловича, сотрудника газеты “Призыв”, который показал мне наградные листы на гвардии капитана Белянинова, найденные в архиве: мне обязательно надо встретиться с Татьяной Александровной – невесткой Ивана Никитовича. Она многое мне расскажет. Но я совершенно не предполагал, что мне придётся беседовать с моей классной руководительницей, которая в шестом классе преподавала нам уроки физкультуры и часто возила нас, футболистов, в район на соревнования. Это и была невестка Ивана Никитовича.

– Белянинов Иван Никитович, мой свёкор, – с какой-то оглядкой и недоверчивостью в голосе повела со мной довольно вялый разговор Татьяна Александровна, – дом этот строил собственными руками. А в его руках всё спорилось, всё делалось без всякой спешки и переживания.

Мне показалось, что она меня не признала. Много воды утекло с тех пор, да и само незаметно ускользающее от нас беспощадное время явно поубавило из её когда-то пламенных глаз искрящейся весёлости.

Разговор неспешно тёк дальше. По словам Татьяны Александровны, Иван Никитович – а именно так, я заметил, ей сподручнее было величать своего свёкра, – не стремился сделать многое, но, делая малое, получал внутреннее облегчение. Чувствовалось, что работа захватывала его, доставляя душевное умиротворение. Глаза Ивана Никитовича просто покоряли своей теплотой. Глядя на него, невольно верилось в самое доброе, светлое и чистое, что имелось на нашей прекрасной земле. Он, словно магнит, всё лучшее и совершенное притягивал к себе своей добротой, поражая родных и близких ясной, разумной мыслью, обеспокоенностью за человека. Иван Никитович принадлежал к тем особенным людям, которые отличаются бессознательной догадкой и благотворною силою.

Моя собеседница встала, и мы направилась в дом. Каким-то особым уютом повеяло от всех его комнат. Как всё было там просто и одновременно до мелочей продумано! Вот два пристроенных коридорчика. Для сохранения тепла обычно хватает одного, а здесь было два, и я, попав во второе помещение, прямо на себе ощутил прилив сил и тепла. Во всех комнатах в течение дня было равное количество света, независимо от их расположения по отношению к солнцу. Появилась какая-то благодущная мирность, и мне почему-то отсюда не хотелось уходить. Возникло невольное желание ещё немножко побыть в этом светлом, уютном доме, основательно построенном руками бесстрашного моего земляка.

– Здесь, по соседству, – грудной голос хозяйки положил конец моему тёплому размышлению о домашнем уюте, – стоит и дом его родителей – матери, Ефросиньи Харлампиевны, родом из Черкасской губернии, и отца, Никиты Ивановича, выходца из Хотмыжа, как в близлежащей округе именовали всем известное поселение Хотмыжск.

К этому времени я успел с жадным интересом просмотреть семейный альбом, разглядывая фотографии разных лет. Вот на фото отец капитана Белянинова, Никита Иванович, высокий лоб и узкие скулы которого говорят о его уравновешенности и в то же время о достаточной смелости, довольно часто переходящей в безрассудство. Низкое расположение бровей подчёркивает в нём отсутствие целенаправленности, последовательности и силы воли. Всё: и форма лба, и расположение глаз и бровей, выдают в нём человека, прожившего яркую жизнь. Подобные люди не созданы для семьи, но они об этом не задумываются и не пытаются исправить своё положение.

Сам же Иван Никитович, со слов односельчан, в сравнении с отцом был меньше ростом, но зато здоров, ладно скроен, с едва заметной предрасположенностью к полноте. Он больше был крепок, чем силён. Характером был не в отца. Все отмечали в нём способность терпеливо преодолевать лишения, с невероятным усердием выполнять любую грязную работу. В нём, как и в любом русском человеке, присутствовала быстрота понятий и медленность суждений. От матери своей, родом из малороссов, он был наделён живыми чувствами и пылкими страстями. Со слов моих собеседников, здоровье его редко подвергалось болезням, но до конца дней своих Иван Никитович

внутри себя пронесил осколок, оставшийся после ранения. Он жил долго, не призывая к себе свою смерть. До глубокой старости сохраняя бодрость духа, шутил: “Больному человеку и золотая кровать не в радость”. В больнице, куда его отправили на лечение, он, по словам сына, увидев тяжкие страдания больных, даже не стал из сумок выкладывать свои вещи, с порога бодро проговорил: “Их, сынок, болезнь, а наше – здоровье. Увози меня отсюда: на лечёном коне долго не проедешь. Скрипучее дерево – оно дольше стоит!”

Вспоминая народное поверье, что если сын похож на мать, счастливым будет, рассматриваю фотографию матери героя, Ефросиньи Харлампиевны. Аристократическая продолговатая форма лица выдаёт в ней человека уравновешенного, чувствительного и отзывчивого. По всему ощущалось, что она была расчётлива и рассудительна, справедлива и мудра. Её высокие, тонко очерченные брови говорят о целеустремлённости, а аккуратное веко – о повышенной эмоциональности и склонности к риску. Красивый короткий нос свидетельствует об открытости души и оптимизме. Такого рода человек всегда сам определяет срок создания семьи, рождения ребёнка, и всё в его жизни подчинено определённым правилам. Он от природы – талантливый организатор, умеющий повести за собой народ.

Вот в кого был её сын! Взяв что-то от отца, основные черты своего характера Иван Никитович унаследовал от матери.

– О, Ефросинья Харлампиевна была большая затейница, – вспоминает Татьяна Александровна. – “Пляши, когда играют!” – говаривала. Как она умела устраивать праздники! Всё горело в её руках, всё она делала с нескрываемой радостью. Многим тогда казалось, что, погружившись в мир самозабвенной работы, она излучала чудодейственный свет.

А я подумал о том, что так же погружался в мир дела её сын Иван, развёртывая батарею к бою. В такие моменты видна была в нём какая-то удивительная сила, и бойцы, работавшие рядом с ним на поле боя, обретали спокойствие, которое вселяло в них уверенность в правоте своего дела. Натянутые звенящей струной от нечеловеческого напряжения нервы были готовы в любой момент лопнуть, но руки спокойно управляли рулями поворота орудия, лоя в перекрестье цель. Поймать и ударить! Гвардии капитан Белянинов видел перед собой только нагло прущий танк. Без паники подпускал его вплотную и точно поражал цель, никогда не допуская промаха.

Какая невидимая сила безжалостно давила в нём постыдный страх, напрасно отымавший душевные силы? Что вселяло уверенность и спокойствие, давало выдержку, возможность хорошо выполнять напряжённую работу, от которой зависела не только его жизнь, но и жизнь каждого бойца его батареи, исход боя, судьба той пяди земли, за которую шло кровопролитное сражение?

Почему, на первый взгляд, бессвязность, путанность и нелогичность поступков русского воина, для которого не существует естественных препятствий ни в болотах и топях, ни в бездорожной степи, ни в непроходимом лесу – он везде чувствует себя, как дома, – упорно разрушала хорошо отлаженный механизм мощной, безотказной немецкой машины? Может быть, потому, напрашивается вывод, что стихийная энергия, в своей основе заложенная не одним поколением родителей по материнской и отцовской линии, всегда преображала русского человека в настоящего богатыря, который никогда ни перед кем не опускался на колени.

В своё время немецкому дипломату Отто фон Бисмарку удалось понять эту русскую ментальность. Считая войну с Россией губительной, он писал: “Россия опасна мизерностью своих потребностей. Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью. Это неразрушимое государство русской нации сильно своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей”.

Из рассказа сына о своём знаменитом отце я знал, что первое сражение на станции Снегуровка Николаевской области заставило Ивана Белянинова не думать в бою. Кто думал, тот погибал. Он хорошо усвоил этот урок. Только звериное чутьё, чувство опасности может предотвратить смерть. Шкурой чувствуя немца, он не верил глазам своим. Им управляла жажда жизни, когда он, охватывая взглядом окрестность, буквально чувствовал её, и ощущение его не подводило. Если внутри прокатывался холодок, то там таилась опасность. В первом же бою после ранения Иван Никитович сердцем чувствовал, откуда будет исходить угроза. И первым ударил по тому месту. Бился не на жизнь, а на

смерть. В том бою его артиллерийский взвод тридцать танков и более сорока автомашин превратил в груды металла. Это была хорошая победа, доставшаяся малой кровью. Они въехали в стан врага на его плечах. Гвардии капитан Белянинов любил повторять: “И один в поле воин, если он по-русски скроен”.

Война пощады не знает. Слушая рассказ сына героя, я понимал, что неосознанную правоту Иван Никитович получил по наследству. Реальная угроза жизни пробуждала в нём заложенную далёкими предками систему защиты. Проявление её не увязывалось ни с одним из логических построений. В бою не было времени на обдумывание. Любое сражение требует новых решений, а в распоряжении героя имелась всего лишь одна природная чувственность. Он, соприкасаясь с окружающим миром, невольно становился проводником посылаемых природой сигналов. Между ним и существующей реальностью была неразрывная, тесная связь. Невидимая сила управляла им с помощью лесных звуков, менявшихся оттенков зимнего пейзажа, тающих на его тёплых ладнях искристых снежинок, неустойчивых запахов морозного воздуха. Он поневоле становился частицей всего мироздания, и понимание окружающего мира было выше него. Он своим восприятием природы ощущал колыбание воздушного пространства, и его понимание действовало в ритме незримой активности бесконечной бездны, бессознательно получая познания извне. Он от природы был наделён даром вневещественного восприятия, так как улавливал малейшие перемены во Вселенной и, ощущая её странные изменения, сердцем своим чувствовал таившуюся смерть.

Сколько раз на войне он схватывал бесчувственным восприятием обступавшую местность, улавливая смертельную опасность! Но вовремя опознанная угроза уже не несла в себе смерть, а являлась всего лишь тревожным предупреждением. И я хорошо понимал слова хозяина дома, что на всё происходящее его отец не смотрел с чужих рук. Только благодаря тому, что природа открывала ему свою стихию, он летом 1944 года провёл удачную разведку боем и, не дав даже секунды противнику на размышление, подавил огнём батарею врага.

Размышляя о бесчувственном восприятии опасности, я вспомнил слова моей бывшей учительницы, сказанные журналисту районной газеты: “Не знаю, как это происходит, но когда Ивана Никитовича не стало, посаженный им сад словно загрустил о своем хозяине, яблони перестали плодоносить, хотя мы ухаживаем за ними”.

Как важно в нашей жизни слышать природу, чтобы понимать друг друга! Стоит только проявить бесчувственность, вовремя не услышать боль яблони, и она перестаёт одаривать нас своими плодами.

Мы вышли во двор, где я, поскользнувшись на земле, напитанной влагою, на глазах своей бывшей учительницы на какое-то время потерял равновесие. Чтобы вконец не шмякнуться в грязь, чудом устоял и как-то неловко, бочком, бочком, еле сохраняя устойчивость, суетливо подался к воротам. Позади себя, как и много лет назад на школьном стадионе, услышал знакомый приятный смех.

— Вот теперь точно признала своего ученика! — радостно воскликнула моя бывшая учительница. — Та же молниеносная реакция, что и много лет назад на футбольном поле.

Родительский дом Ивана Никитовича расположился в лощинке с ровной, сразу через дорогу обширной площадкой пойменного луга, у подножия крутого склона горы, где наверху по железной дороге в разных направлениях когда-то беспрерывно мчались грузовые и пассажирские поезда.

Я вспомнил беседу с местным жителем Николаем Захаровичем, человеком, вписавшим золотую страницу в историю села Красный Куток, который рассказывал, как Иван Никитович Белянинов именно в этом месте меткой стрельбой из пистолета с двух рук: стоя, лёжа, с колен, с локтя, сидя — приводил в изумление кутянских мальчишек. Стрелял в пустую консервную банку с одной руки и, пока она кувиркалась в воздухе, успевал всадить в неё две пули. По всему чувствовалось, что был Белянинов не робкого десятка, и сам чёрт ему был не страшен. А было это в ноябре 1943 года, когда он осенью из харьковского госпиталя, где лечился после тяжёлого ранения, полученного в боях за освобождение Новороссийска, приезжал на родину в Красный Куток.

Оставляя за собой в стороне весёлую поляну заросшего луга, мы продолжали оживлённо беседовать с невесткой Ивана Никитовича. Отгеснив в моей памяти воспоминания о побывке на родине своего свёкра, Татьяна Александровна заговорила о том, что Иван Никитович обладал редким природным да-

ром общения, умело возвращал в дом добрые семейные отношения. Сердцем понимая, что цену вещи узнаешь только тогда, когда её потеряешь, он смотрел сквозь пальцы на всякие малозначащие дурцы сородичей. В семье кто-то обязательно должен уступать, и он, как настоящий мужчина, терпел привереды и выкрутасы родных. Признавая заслуги своей благоразумной, любимой жены Шуры, он во всём понимал и свою рассудительную мать и ради их достоинств с радостью сносил проявляемые ими слабости. Снисхождение к ним давало ему выход из любого семейного замешательства. По нежному, тёплому отношению к самому близкому на земле человеку – жене, – со слов невестки, чувствовалось, что любовь Ивана Никитовича не шла ни в какое сравнение ни с любовью к сестре, ни с привязанностью к заботливой матери. Всё происходящее в своей семье он переносил в себе, не выказывая притязаний, а его жена Шура, получая от своего спутника жизни солнечное тепло и свет, невольно задумывалась и поневоле исправлялась, становилась лучше.

По словам Татьяны Александровны, Иван Никитович тонко ощущал и волнение любимой жены Шуры, и душевную тревогу матери, – каждый цветок со своим запахом. Он умел срезать острые углы, умел найти путь к сердцу. Чувствовал, когда нужно было зайти во двор к своей маме. Молча проглотив обиду, слушал её бурчание: “Явилась, святая душа на костылях! Каким только ветром тебя сюда занесло? Вам всё недосуг да некогда, а и будет когда, да нас не будет тогда”. Он всегда чувствовал её запас прочности. Не прерываясь, послушливо глядел на мать. Радовался её ловко работающим рукам. Просил побережь себя, повременить с этим завалившимся во дворе тыном. Он сочувствовал ей во всём и пытался помочь. А она, разгорячась, переплетала тонкими палками орешника жерди, прибитые к дворовым столбам, и без всякой злобы сокрушалась: “Отдохнём, когда умрём”. Но при этом, искоса взглянув на сына, всё же лишалась последнего своего задавленного в глубине души гнева. Нередко даже не успевала моргнуть и глазом, как Иван Никитович, не находя нужных слов, молча исчезал со двора. Уходил, осознавая, что мать ещё не оттаяла душой к его любимой жене Шуре. Возвращался в свой дом, где и со стороны благоверной чувствовал холодок. Слушая её ворчание, надолго замолкал. “Ну, что ж, пусть меня малость и поругает. Она же моя жена. Губы да зубы – два забора, а языку удержу нет. Молчание – всегда знак согласия”, – беззлобно ронял он слова, понимая, что без жены – как без шапки. Крепкими пальцами мял вытащенную из портсигара папиросу. Чувствуя, что Шура больше его слов уже не вынесет, бесшумно выходил во двор, спичкой чиркал о коробок, прикуривал папиросу и про себя думал: “Ума не приложу, кто из них чего хочет? Почему они живут по соседству и не ладят?” И при этом не обращал внимания, что дымящаяся папироса уже давно обжигает пальцы.

– Отец во всём был необыкновенным, – вступил в разговор сын героя. – Он для многих так и остался неразгаданным человеком. Боевой офицер, вся грудь в орденах и медалях – и вдруг остаться голым! Работал простым лесничим в заповеднике “Лес на Ворскле”. А ведь сразу после войны ему предлагали колхоз в Манготне, но он, не раздумывая, дал отказ: “Не могу, не устою я! Сердце у меня такое: глядя на бабьи слёзы, не уберегу я колхозное добро. Такой я по натуре человек. Лучше вам подыскать скуповатого мужика. У каждого из нас своё место под солнцем”. Да и на предложение командира боевой части, где он служил, поступать в академию, ответил отказом. Как можно было расценить его поступок?

Слушая воспоминания родных, я думал о том, почему хорошая работа и обеспеченная жизнь не прельщали моего героического земляка. Осознав на войне смысл жизни, гвардии капитан Иван Белянинов понял, что душа дороже целого мира, а большая любовь к своим родным – жене Шуре, поднимавшейся на его глазах неугомонной ребятне, матери, горячо любящей его, не чаявшей души в своём брате Иване сестре – стала для него превыше всех благ на свете. Он хотел находиться в окружении дорогих ему людей, испытывая неповторимую, безграничную радость, а человек, покорённый богатством, поработён душевным волнением и тревогой. И он до невероятности упростил свою жизнь, отдав себя близким теперь уже не на войне, а здесь, на хуторе, людям.

– В любое время года приезд в дом свёкра для нас был настоящим праздником, – продолжала вспоминать Татьяна Александровна. – Иван Никитович всех встречал с распростёртыми объятиями, выказывая радушное гостеприимство. Припоминаю, как он выставлял на стол яичницу с грибами. Я знала,

что яичница бывает с колбасой, сыром, салом, ну, наконец, с помидорами и разными овощами. Но вот что она такой аппетитной получается с выложенными на сковородке обжаренными грибами – такого я никогда в жизни не представляла! В том блюде, кроме сытности, чувствовался ещё и превкусный аромат свежести осеннего леса. Вначале я всячески уклонялась от той еды. А Иван Никитович настойчиво всё ближе и ближе придвигал яичницу с грибами в нашу сторону, шуточно приговаривая: “Угощайтесь, дети, всё у нас на столе, а руки у вас свои. Дома, дочка, ешь, что хочешь, а в гостях – что велют. Ешь, пока рот свеж, а уста завянут, ни на что не взглянут”.

Слушая рассказ об умении моего героя потчевать гостей, я вновь подумал о его чистой русской любвеобильной душе, о самобытном нраве, проявлявшемся во всём: и в шуточном тоне, и в ненавязчивой заботе, и даже в подаваемой необычной яичнице.

– Его познания природы, – продолжала рассказ хозяйка дома, – для меня были непостижимы. Небо сплошь заволакивалось тучами и моросил дождичек, а Иван Никитович, глядя на выгибавшуюся у его ног кошку, назавтра всё равно строил сенокосные планы. Когда ярко светило солнце и гуси на пруду учащённо хлопали крыльями, ныряя в воду, он торопил всех метать в стога высохшее на лугу духовитое сено. И мы удивлялись его чутью, когда, завершая работу, непременно попадали под проливной дождь. Свёкор замечал всё, что его окружало: и появление росы на траве ночью, и днём над лесом синеющий воздух, и звенящие оттенки людских вибрирующих голосов, и стоящую духоту на восходе солнца, и первый туман лета.

Я слушал собеседницу и приходил к мысли, что природа Ивану Никитовичу приоткрывала свою стихию совсем не напрасно. Размышляя о его жизни, невольно сам себя погружал в тот мир, который дарил ему радость. Ночью шёл снег, под его тяжестью преображались застывшие на время кусты и провиснувшие ветви деревьев. Он, лесничий, каждое утро, скрипя валенками о нехоженный морозный снег, топтал себе тропинку. В полдень совершал обход вверенных ему лесных владений и, стоя на опушке, вдыхал сосновый воздух, слушая безмятежную тишину, разгадывая запутанные следы пробежавшего зайца, наблюдая сквозь ветви деревьев бездонное голубое небо. А вечером, когда с неба, кружась в восторженном трепете, падали лёгкие снежинки, он вытягивал руки, и белые пушинки садились на его ладони и, согреваясь человеческим теплом, лениво таяли, превращаясь в слезинки. Хорошо и спокойно было ему здесь, на освобождённой родной земле.

– В любой компании рядом с моим свёком была его любимая жена Шура, – продолжала рассказ Татьяна Александровна, – а сам он был в центре внимания.

В этом я убедился уже и сам, рассматривая семейные фотографии, отмечая взгляды празднующих друзей. Вот на фото мои родственники, дядя Митя и тётя Катя, которые приезжали к нам в гости на хутор Басов. Каким уважением и любовью светятся их взгляды, обращённые на Ивана Никитовича! Вот Михайленко Дмитрий Николаевич, который всю жизнь проработал бригадиром поездов дальнего следования, ездил во Владивосток. Уж он-то за свою нелёгкую бригадирскую жизнь посмотрелся на людей и, слава Богу, умел в них разбираться. Я обратил внимание, с каким обожанием и благоговением смотрит он на героя-земляка.

– Иван Никитович умел ценить каждый прожитый день, – нервно пробегая скачущими пальцами рук по крышке стола, продолжала разговор моя собеседница. – Я не замечала в нём душевной тревоги. Он всем всегда был доволен. Даже тогда, когда отменили льготы и перестали героям, защищавшим Отечество, платить за ордена. Подвиг воинов был обесценен. Но гвардии капитан Белянинов не обиделся на Родину. Его любовь к Отечеству была бескорыстна. Он, мужественный человек, оправдание жизненным неудачам, будь то отмена льгот или огородное бедствие, когда ухоженные грядки лука и чеснока посередине лета смывались бурлящим потоком проливного дождя, искал внутри себя. Работу лесничего Ивану Никитовичу пришлось оставить.

Односельчане любили его за доброжелательность, отзывчивость и уважение к людям, отмечая удивительную цельность характера и отсутствие всеразрушающего ропота. Моя одноклассница, в детстве помогавшая маме разносить почту в Красном Кутке, рассказывала, что Иван Никитович встречал её радушными словами: “Моё почтение Вам, барышня!” – поправляя сдвинутый

набок картуз, приветственно кивал головой и всегда улыбался. А она, вручив ему в руки почтовую корреспонденцию, часто вдогонку получала ещё и доброе пожелание: “Дай Бог тебе, дочка, жениха красивого!”

— Он был переполнен оптимизмом, — делилась со мной своими воспоминаниями одноклассница. — От встречи с человеком такой щедрой души я как-то охотней и веселее бежала по улице, да и сумка не обременяла меня уже своей тяжестью.

— Но при всей внешней мягкости характера, — вспоминала Татьяна Александровна, — Иван Никитович был твёрд в отстаивании справедливости. Он в бригаде любого мог поставить на место, привести в чувство того, кто посмел дать волю языку. У него была властная рука.

Я ловил каждое слово о легендарном, без всяких сомнений, человеке, вспоминая далеко не мягкое воспитание, проповедуемое и самой рассказчицей в пору её работы в школе классной руководительницей. Она не потакала нашим слабостям, отчего мы мигом своим поведением устремлялись в правильное направление. Добрый учитель не о себе печётся, о классе.

— Все в один голос, — продолжала рассказ моя бывшая учительница, — просили Ивана Никитовича вести переговоры с руководством колхоза о цене за проделанную работу.

Затем она прервала разговор, направила свой взор в мою сторону и, как бы освободившись от внутреннего напряжения, приглаженной скороговоркой выплеснула из себя не совсем понятные для меня слова: “Политика — дуга: недогнул — беда и перегнул — беда, а исподволь возьмёшь — и ольху согнёшь”. Словно сбросив со своей души непосильный груз, взглянула в окно на ольховые деревья с зелёной кроной, разросшиеся по всему пойменному лугу, и поставила точку в разговоре: “Расчёт всех устраивал. Как Иван Никитович добивался справедливости, одному Богу известно”.

“Легко сказать — быть справедливым”, — подумал я. Чувство беспристрастности и объективности знакомо каждому из нас. Но куда проще в жизни это чувство не замечать: из-за него мы вечно получаем неприятности. Любой из нас, обременённый объективностью, жаждущий человеческой правды, теряет самое драгоценное в жизни — здоровье, потому как от нелицеприятной правды всегда становится тяжело жить. Но видеть очевидную неправоту, ложь и молча прятать голову в песок — значит, самому участвовать в ней и не относить себя к тому великому народу, характерной чертой которого всегда являлось чувство справедливости и жажда её.

Иван Никитович Белянинов был частичкой этого великого народа и находился до конца дней своих под покровом правды. Его любовь к сослуживцам на войне и близким по дому была на грани жертвы. Он, командир артиллерийского взвода, рискуя собой, оперативно вмешивался в ход боя, координируя прицел орудий. Ради возвращения в дом добрых отношений терпеливо сносил слабости своих близких, никогда не упуская из своей чуткой памяти их достоинств. Ни на войне, ни дома не искал себе поблажек и своей тихой, скромной, непритязательной жизнью заслужил у многих из нас искренний восторг и сладостное умиление, сумев в своей жизни не проиграть свой главный бой: сохранить совесть.

Его совесть оказалась чиста и перед родимой Отчиной, и перед захолустной полоской земли под самою горою, и перед чудом сохранившимся Божьим храмом на высоком берегу реки, и перед унылым деревенским погостом, и перед шелестом листья вековых дубрав, и перед шумящими луговыми травами, и перед своими односельчанами.

Он покорила самого себя, и эта победа оказалась ценней и выше всех неустановленных памятников и обелисков вместе с безымянными улицами в местах его боевых подвигов.

Знаменитый артиллерист гвардии капитан Белянинов при жизни был незаметен в общей массе проживающего с ним народа. Его подвиги Родина отметила столькими боевыми наградами, что, по рассказам родственников, на человеческой груди все их невозможно было разместить. На День Победы он даже и не пытался крепить их к своему парадному костюму. Гвардии капитан Белянинов отказался от воинских чинов и высоких постов, избрав для себя жизнь простого, обыкновенного человека. О нём, как о знаменитом героине-артиллеристе, заговорили только спустя одиннадцать лет после его смерти. Вспомнив незаслуженно забытые военные заслуги моего земляка, мы даём возможность пробудиться герою в народной памяти в жизнь вечную.